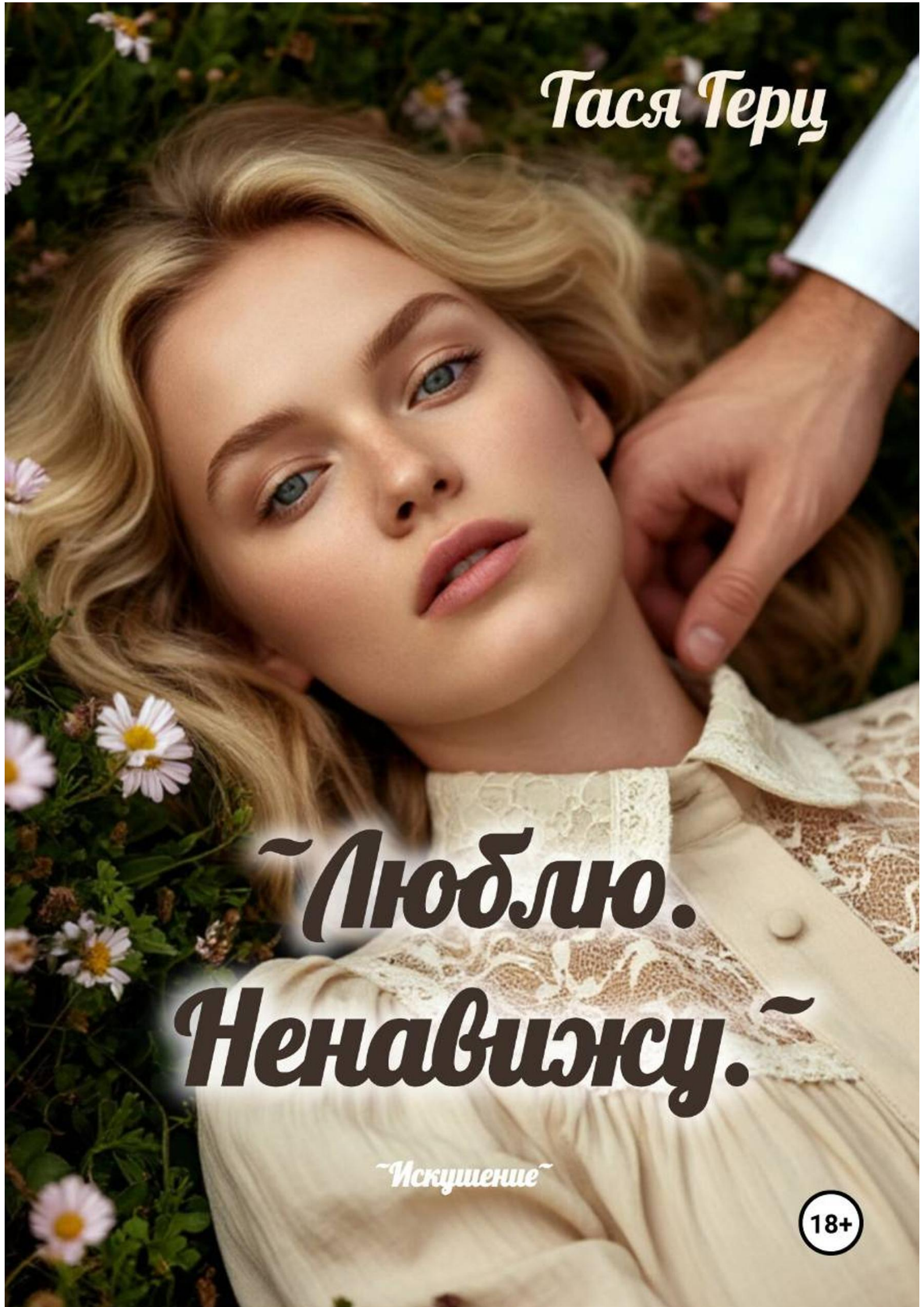

Тася Терц

**~ Люблю.
Ненавижу. ~**

~Искушение~

18+

Искушение

Тася Герц

Люблю. Ненавижу

«Автор»

2026

Тася Герц

Люблю. Ненавижу / Тася Герц — «Автор», 2026 — (Искушение)

Жёсткий, пронзительный роман о боли, выживании и цене ошибок, где любовь становится не спасением, а ещё одной ловушкой. Ева бежит от кошмара: от мужа, который превратил её жизнь в ад, от страха за сына, от чувства вины, разъедающего изнутри. Её единственная надежда — рассказать правду человеку, которого она когда-то повстречала, и попросить защиты. Но Синель давно вычеркнул её из своей жизни: он построил холодную, безупречную крепость из работы и равнодушия, где нет места прошлым чувствам. В переплетении лжи, страха и невысказанных чувств каждый герой стоит перед выбором. Ева пытается выжить и защитить сына. Синель борется с воспоминаниями, которые возвращаются вопреки воле. Это история о том, как прошлое настигает даже тех, кто бежал без оглядки, о жестокости, которая прячется за дорогими костюмами и стеклянными фасадами офисов, и о хрупкой надежде, которая теплится даже в самом тёмном углу.

© Тася Герц, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тася Герц

Люблю. Ненавижу

Глава 1

– Ты девственница? – Дмитрий смотрит в испуганные глаза Евы, и в этом взгляде скользит не просто интерес, а холодная расчётливость, будто он взвешивает ценность каждого её вздоха.

Ева кивает, дрожа в его руках. Пальцы Мити впиваются в её плечи чуть сильнее, чем нужно, – не для ласки, а чтобы она почувствовала: вырваться не выйдет.

Не с ним она хотела стать женщиной. Хотела тепла, нежности, слов, от которых замирает сердце, а не этого ледяного спокойствия, от которого кровь стынет в жилах.

– Вот и хорошо. Оставайся ею до нашего медового месяца, – твёрдо проговорил он и отпустил Еву, но не потому, что сжалился, а потому, что ему нравилось видеть, как она едва удерживается на ногах.

– Я не выйду за тебя, – тон был тихим, даже еле слышным, почти безжизненным, как последний отголосок надежды, который он методично глушил одним своим присутствием.

– Тогда я накажу тебя, – просто ответил он.

– А если я окажусь... не девственницей, ты не женишься на мне? – слова сорвались с её губ прежде, чем разум успел их остановить.

Дура! Зачем ты спрашиваешь у него такое? В этой комнате не было места для наивных вопросов.

Митя дошёл до двери, затем повернулся, и его тень легла на пол, словно предвестник беды. Он злобно заявил, чеканя каждое слово:

– Твой отец взял у моего отца деньги, которые не сможет отдать. Твоя тётя держится за работу, которую ненавидит. А ты... ты станешь моей женой. Так устроена жизнь: слабые платят, сильные берут. Я превращу ваши жизни в ад, если ты... – он сделал паузу, позволяя ужасу проникнуть глубже, – если ты посмеешь ослушаться.

– Значит, ты берёшь меня в качестве расплаты, так? Ты ведь даже не любишь меня... – голос Евы дрогнул.

Митя в два шага оказывается рядом и крепко обнимает Еву, прижимая к себе так, что она чувствует каждый удар его сердца – ровный, уверенный, безжалостный.

– Я не просто люблю тебя, детка, – дышит он ей в шею, и от этого шёпота по коже бегут мурашки не от страсти, а от страха, – я одержим тобой. Поэтому будь послушной и верной мне.

Он на мгновение задержал взгляд на её лице, будто запечатлевая каждую черту, каждую тень, мелькнувшую в глазах, и, не добавив больше ни слова, ушёл, оставив после себя звенящую тишину и тяжёлый запах дорогого одеколона, который теперь будет напоминать Еве о клетке, в которую её загнали. Дверь закрылась с глухим щелчком – как печать на её судьбе.

– Я не хочу, чтобы он был моим первым мужчиной, – сообщила Ева подруге, почти не шевеля губами, будто боялась, что эти слова, сорвавшись, обретут какую-то страшную силу.

– Ты... ты дура? – возмутилась Лидка, но тут же понизила голос, скосив глаза на соседние столики: в клубе пульсировал полумрак, музыка вдавливала ритм в грудь, а вокруг было слишком много ушей, слишком много любопытных взглядов. – Да кто угодно хочет выйти за него. Вот я, например.

– Вот и выходи за него сама, а я не буду, – отрезала Ева, крепче сжимая в пальцах ножку бокала. Стекло было холодным, почти ледяным, и это хоть немного заземляло её, не давало улететь в ту чёрную воронку, куда тянуло от одной мысли о свадьбе.

– С ума сошла, точно, – Лидка сделала глоток коктейля, поморщилась от горечи и выдохнула, будто пыталась выпустить вместе с воздухом раздражение. Не в её правилах уговаривать Еву выходить замуж, тем более что ей самой нравился Митя, а тот даже не замечал Лидку, смотрел сквозь неё, как сквозь прозрачное стекло. – Митька безумно богат. Имеет виллу в Италии, ресторан, яхту... Твои дети будут до конца жизни обеспечены.

– Но я не люблю его, – тихо, упрямо повторила Ева, и в этом «не люблю» прозвучало не просто отсутствие чувства — там была паника, стыд и какая-то отчаянная честность, которую она позволяла себе только с Лидкой.

– Да кто говорит о любви, Ев? – Лидка наклонилась ближе, её голос стал мягче, почти сочувственным, но в нём всё равно звенела практичность. – Дело в светлом будущем. В беззаботной жизни. Разве ты не хочешь каждое утро просыпаться на вилле в Италии и смотреть, как солнце встаёт над морем?

Девушка, которая сидела по левую руку от Евы, вдруг поперхнулась и закашляла — резко, судорожно, будто слова Лидки застряли у неё в горле. Ева повернулась к ней, в глазах мелькнуло виноватое беспокойство.

– Простите, – виновато улыбнулась она, пытаясь сгладить неловкость, но улыбка вышла натянутой, чужой.

Ева узнала эту девушку. Каролина. Сестра того самого парня, по которому все девчонки в университете сохли: любимчик преподавателей, обаятельный, лёгкий, но, по слухам, не встречавшийся дважды с одной и той же девушкой. Бабник, да, но с такой улыбкой, что никто не обижался всерьёз. Их семья тоже была далеко не из бедных — ещё один клан, где деньги и статус шли рука об руку, как приговор и исполнение.

– Продолжайте свой бесполезный трёп, не буду мешать, – бросила Каролина, вставая со стула. Её движения были резкими, будто она пыталась стряхнуть с себя этот разговор, как капли дождя. Она сделала шаг в сторону, но затем вдруг резко остановилась и повернулась к Еве. В её взгляде не было ни сочувствия, ни злорадства — только холодная, почти усталая уверенность.

– Если ты думаешь, что твоя жизнь станет беззаботной и лёгкой после того, как выйдешь за Кузнецова, то ты сильно ошибаешься, – сказала она, и каждое слово прозвучало как удар по стеклу, которое и так уже пошло трещинами. – Там нет ничего светлого. И не будет. Не с ним.

Лидка хотела что-то возразить, открыть рот, чтобы отмахнуться от этих слов, как от дурного предзнаменования, но замерла, потому что в голосе Каролины не было пафоса, не было драмы. Была простая, горькая правда, от которой становилось не по себе.

Каролина ещё секунду смотрела на Еву, будто хотела добавить что-то ещё, но лишь покачала головой, развернулась и исчезла в толпе, оставив после себя тишину, которая повисла между подругами тяжелее любого крика.

Ева медленно опустила бокал на стол. Её пальцы дрожали, но теперь это была не просто дрожь страха — это была дрожь осознания. Она вдруг поняла: никто не скажет ей всей правды, кроме тех, кто уже видел изнанку этой красивой жизни. И, возможно, Каролина знала о Кузнецовых куда больше, чем хотела показать.

Каролина ушла, оставив на душе Евы ещё больший осадок, чем был от слов Мити. Её слова звенели в голове, как осколки разбитого зеркала: острые, неровные, отражающие мир под пугающим углом. Откуда она знает, что будет потом? Почему в её голосе не было ни капли юношеской бравады, а только тяжёлая, выстраданная уверенность? Но, как ни странно, это замечание будто успокоило Еву. Значит, у неё есть союзник. Хотя бы в лице Кары.

А вот Лидку Каролина не впечатлила.

— Лучше бы о своём будущем позаботилась, — вспыхнула та и одним глотком осушила стакан, будто хотела залить этим коктейлем раздражение. Её щёки покраснелись не только от алкоголя — в ней кипела обида, смешанная с завистью и упрямой верой в то, что практичность сильнее любых предчувствий.

Ева уже глазами разыскивала Синеля, брата Каролины. Но среди мелькающих лиц, танцующих силуэтов и ярких вспышек стробоскопа его не было. Может, сегодня у него в планах более весёлое занятие с более приятным исходом? Все в универе знают, что Синель встречается с девушками только раз. Ему плевать, что после одной ночи каждая из них мечтает отрезать ему его великолепное, как они говорят, достоинство. Но ведь они сами к нему идут в постель! Причём зная о его похотливой стороне. И о том, что эта ночь страсти будет их единственной. Парни называют его гуру. Похоже, этот гуру сегодня решил преподать урок камасутры очередной своей подопечной.

— Ты чего? — Лидка ткнула Еву в бок, слишком резко, будто пыталась вернуть подругу в свой, понятный ей мир, где всё решалось деньгами и связями.

— Да так, домой надо идти. Тётя, наверное, волнуется, — тихо ответила Ева, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё сжималось от нарастающего напряжения.

— А ты ей позвони. Скажи, чтобы не волновалась зря. Тебя позже привезут, — небрежно бросила Лидка, уже мысленно примеряя на себя роль той самой подруги, которая всегда рядом, когда нужно поддержать будущую жену Дмитрия Кузнецова.

— Привезут? Ты же пьяна. Тебе за руль нельзя, — Ева пыталась ухватиться за эту обыденную деталь, за простую логику, которая могла бы стать хоть каким-то щитом.

— Не я, а он привезёт, — подруга указала в сторону, на того, кого Ева уж точно не хотела видеть ближайшие две недели.

Митя приближался медленно, но уверенно. На нём был серый деловой костюм, идеально сидящий на широких плечах; ткань слегка поблёскивала под светом неоновых ламп, будто подчёркивая его статус. Видимо, только со встречи — галстук чуть ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстёгнута, но это не выглядело небрежностью, а скорее демонстрацией власти: ему не нужно было никому ничего доказывать. Широкая улыбка на его лице смущала Еву до дрожи — в ней было слишком много собственничества, слишком мало тепла.

Не выдержав напряжения, Ева повернулась к нему спиной и сделала большой глоток коктейля. Холодная сладость обожгла горло, но не принесла облегчения. А Митя всё ближе. Его шаги звучали в такт тяжёлой музыке, становились громче, неизбежнее.

— Привет, красотка. Скучала? — он коснулся её плеча губами — на мгновение, едва ощутимо, но этого хватило, чтобы по коже пробежал ледяной озноб.

Ева резко отвела плечо в сторону, будто обожглась.

— Ты же обещал, что приедешь через две недели, — тихим голосом заметила она, не глядя на него, уставившись на отражения в зеркале впереди. Там, в искажённой перспективе, ряды бутылок с алкоголем казались бесконечными, как варианты её будущего — все одинаково мутные, все одинаково пугающие.

— Не мог дожидаться встречи со своей невестой, — Митя сел рядом на стул, слишком близко, нарушая её личное пространство с той же непринуждённостью, с какой перешагивал чужие границы. Он впился глазами в её профиль, будто пытался прочесть каждую мысль, каждую попытку сопротивления. — Ты не рада?

Лидка наблюдала за ними со стороны, чувствуя внутри лишь ревность и обиду — горькие, едкие, разъедающие изнутри. Но сделать ничего не могла. Или могла. Но сейчас было ещё не время. Лишиться статуса хорошей подруги жены Дмитрия Кузнецова Лидка точно не хочет. Где-то в глубине души она всё же надеется, что Митя со временем заметит её, станет к ней мягче. Ведь она когда-нибудь может стать ему больше, чем просто знакомая или друг. Она

может стать любовницей, когда тот охладет к жене. А уж Лидка сделает всё, чтобы занять место его супруги и жить на вилле в Италии.

В этот момент музыка сменилась на что-то более тягучее, более тёмное, и бас ударил по груди, словно подчёркивая: обратного пути нет. Ева сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль была реальной, почти спасительной — она напоминала, что Ева ещё здесь, что она всё ещё чувствует, всё ещё может сопротивляться. Но сколько продлится это «ещё» — она не знала.

Ева долго не могла уснуть. Часы на тумбочке безжалостно отсчитывали минуты, и каждый их щелчок отдавался в висках, будто кто-то вбивал гвозди в тишину комнаты. Уже через неделю, когда наступит последний день учебы, будет назначена дата её свадьбы — эта мысль висела над ней, как лезвие гильотины, острое, неотвратимое, готовое оборвать её прежнюю жизнь одним движением.

Она ощущала себя зажатой в тиски — не те, что сжимают металл, а те, что душат изнутри, лишая свободы, возможности дышать и думать так, как хочется. Воздух в спальне казался густым, почти вязким, и каждый вдох давался с трудом. Почему она? Почему Дмитрий выбрал именно её? Не из-за любви — этого слова в их истории не было вовсе. Скорее из-за долга, из-за власти, из-за удовольствия ломать чужую волю.

Может, если она сделает так, как задумала, его одержимость пройдёт? Мысль была отчаянной, почти безумной, но в ней таилась какая-то горькая надежда. Пусть это будет жестоко, пусть это ударит по родным, но сейчас она должна думать о себе. Думать о себе! О себе! Эти слова она прокручивала весь вечер вчера и всю ночь до утра, так и не уснув. Они звучали в голове, как заклинание, как попытка собрать воедино рассыпающуюся личность.

День тянулся мучительно долго. Ева снова и снова сталкивалась с Синелем в коридорах университета — то у лестницы, то возле аудитории, то у автомата с кофе, где запах пережаренных зёрен смешивался с нервным напряжением. Она старалась не смотреть на него, прятала глаза, будто стыдилась своей решимости. Но в какой-то момент всё же подняла взгляд — и встретила с его пронзительно-голубыми глазами. Всего пара секунд под этим пристальным, чуть насмешливым, но не злым взглядом — и внутри что-то щёлкнуло. Ева вдруг поняла: её решение правильное. Пусть после этого мир рухнет, пусть всё пойдёт прахом — она сделает это. В его взгляде не было осуждения, не было и интереса, но было что-то, что придало ей смелости: будто сама реальность на мгновение кивнула ей, подтверждая: «Ты можешь».

Дело в том, что Ева никогда не интересовала Синеля. Они были разными во всём. Его привлекали девушки раскрепощённые, в коротких юбках, на высоких каблуках, с длинными блестящими волосами и яркой красной помадой на губах — те, кто умел играть, флиртовать, быть в центре внимания. Ева же держалась в стороне от всей этой вульгарщины, предпочитая джинсы, свободные свитера и минимум макияжа. Она не умела быть дерзкой, не умела бросаться в глаза — и, возможно, именно поэтому оставалась для него невидимкой.

Хотя, возможно, дело было вовсе не в этом. Может, он просто не искал в ней того, что искал в других. Или, наоборот, видел в ней что-то такое, чего сам не хотел замечать. В любом случае, сейчас это не имело значения. Для Евы Синель стал не объектом желания, а своего рода мерилom: если даже он, человек, живущий по своим, жёстким правилам, не осудил её молчаливо, значит, она на верном пути.

Когда день наконец закончился, Ева вышла из здания университета, и холодный ветер ударил ей в лицо, словно пытаясь смыть с неё остатки сомнений. Она остановилась на ступеньках, подняла голову к серому небу и глубоко вдохнула. Впервые за долгое время этот вдох не был болезненным. Он был тяжёлым, горьким, но настоящим.

«Я сделаю это», — подумала она, сжимая кулаки. И на этот раз боль была не от страха, а от решимости.

Последний день учёбы в универе выдался на редкость душным и каким-то липким — будто сама атмосфера пыталась удержать студентов в этих стенах, не дать им вырваться в лето, в свободу, в жизнь после зачётов, лекций, экзаменов. В коридорах стоял привычный гул: смех, обрывки фраз, хлопанье дверей, чей-то восторженный крик «Наконец-то!» — и над всем этим витал запах старой бумаги, дешёвого кофе из автомата и едва уловимый аромат надежды, смешанный с усталостью.

Ева шла по знакомому маршруту, почти не замечая суеты вокруг. Её сумка казалась тяжелее обычного — не из-за учебников, а из-за груза, который она носила внутри. В аудитории, где прошла последняя пара, профессор что-то говорил про перспективы, про будущее, про то, как важно не терять себя. Ева кивала, смотрела в конспект, но не видела букв — перед глазами стояло одно: неделя до назначения даты свадьбы.

Когда все начали собираться, хлопать друг друга по плечам, делать селфи на фоне доски, Ева тихо выскользнула в коридор. Кто-то крикнул ей вслед: «Евка, ты куда? Давай отметим!», но она лишь махнула рукой и ускорила шаг. Ей не хотелось ни отмечать, ни прощаться, ни улыбаться. Ей хотелось просто исчезнуть на пару часов, чтобы никто не спрашивал, счастлива ли она, готова ли к новой жизни.

На улице воздух был чуть свежее, но не приносил облегчения. Город шумел, гудели машины, где-то рядом смеялись студенты, высыпавшие из соседних корпусов. Ева шла, не глядя по сторонам, пока ноги сами не привели её к кофейне, где она когда-то случайно столкнулась с Синелем. Тогда он даже не запомнил её имени — просто скользнул взглядом, улыбнулся какой-то девчонке рядом и ушёл. А Ева стояла и чувствовала себя невидимкой.

Теперь эта невидимость казалась ей спасением.

Ближе к двенадцати ночи, когда город приглушил свои огни, а улицы стали просторнее и тише, Ева сорвалась к нему. Узнав от третьих лиц адрес, где живёт Синель, она долго стояла у подъезда, собираясь с духом. Синель жил один. Дом в центре города оказался довольно высоким, строгим, с тёмными окнами и тяжёлой входной дверью. Лифт ехал медленно, будто нарочно растягивая секунды, и каждый этаж отдавался в груди глухим стуком.

Она поднялась на двенадцатый этаж, подошла к двери и смело постучала.

Дверь открылась. Синель стоял в одних пижамных штанах, с голым торсом. На его запястьях поблёскивали браслеты с чёрными бусинами и тонкие ремешки. Светлые волосы были чуть влажными — видимо, он только что вышел из душа. В полумраке коридора его силуэт казался одновременно расслабленным и опасным. Он был удивлён своей неожиданной гостьей.

— Тебе чего? Ты как узнала, где я живу? — в его голосе не было злости, скорее усталость и лёгкое раздражение.

— Мне нужно поговорить, — твёрдо сказала она, хотя внутри всё дрожало.

— Ты время видела сколько? — он чуть нахмурился, но не закрыл дверь.

Ева не двинулась с места и не отвела глаз. В этот момент она решила: если сейчас отступит, то уже никогда не сможет сделать шаг вперёд. Синель чуть отступил в сторону, позволяя ей войти.

Она переступила порог, и тут же ощутила мелкую дрожь. Квартира была просторной, тёмной, с небрежной, но дорогой обстановкой: разбросанные журналы, полупустая бутылка воды на столе, приглушённый свет из коридора. Пахло мужским парфюмом, табаком и чем-то ещё — чем-то живым, настоящим, от чего у Евы перехватило дыхание.

— Я не ожидал гостей в такое позднее время, поэтому не жди угощений, — язвительно произнёс Синель, проходя в гостиную. — Говори, что надо, и проваливай. Не хочу проблем... с твоим женихом, — добавил он с едва заметной усмешкой.

Еву уже давно не удивляет то, что многие знают о ее семейных проблемах и о ситуации с семьей Кузнецовых. Она медленно прошла следом. В гостиной было темно, лишь лунный свет

пробирался сквозь высокие окна, рисуя серебристые полосы на полу. Синель встал у окна, и его силуэт в этом свете казался ей почти мраморным — идеальным, холодным, недостижимым.

— Я знаю о том, что ты... Ну... У тебя ведь было много девушек, верно? — дрожащим голосом прошептала она, чувствуя, как слова застревают в горле.

Синель открыл окно и закурил. Он не поворачивался к ней, будто боялся, что один взгляд сломает хрупкое равновесие.

— Допустим, — промычал он и выпустил изо рта пару белых дымных колец. — Ты пришла спросить об этом?

— Нет. То есть твои отношения с ними меня не касаются... — Ева набиралась смелости. Ещё час назад ей казалось, что будет легко просить его. Теперь каждое слово давалось с трудом.

— Когда свадьба? Ты счастлива? — вдруг спросил Синель, и в этом вопросе не было насмешки — скорее искреннее любопытство, которое застало её врасплох.

Ева приблизилась и встала за его спиной в паре шагов. Синель почувствовал её присутствие и повернул голову. В лунном свете его голубые глаза казались серебряными, почти прозрачными. «Это безумие. Уходи. Сейчас же!» — кричали её мысли, но ноги будто приросли к полу.

— Ты уверена, что оставаться сейчас здесь со мной безопасно? — прошептал он, и в его голосе прозвучала не угроза, а предупреждение.

Ева сделала ещё шаг к нему.

Синель выпрямился. Во взгляде заискрилась хитринка, и на мгновение его лицо посетила лёгкая полуулыбка. Но затем он вдруг стал серьёзным, будто сбросил маску.

— Ты не в моём вкусе. Тебе лучше уйти, пока Кузнецову не донесли, где ты сейчас находишься, — произнёс он жёстко, но без злобы.

Он выбросил окурок в окно и направился к коридору, давая понять, что разговор окончен.

— Сделай это... со мной... — произнесла она, и голос её дрогнул, но не сломался.

Синель замер и повернулся к Еве.

— Что сделать?

— То, что ты делаешь с другими, — смутилась Ева, но продолжала смотреть на него, не позволяя себе опустить глаза.

Синель на мгновение потерял дар речи. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, чего хочет эта девушка. Он медленно зашагал к ней, чуть прищурив взгляд, будто пытался разглядеть в ней что-то, что объяснило бы эту нелепую просьбу.

— Ты просишь меня... заняться с тобой... сексом? — наконец произнёс он, и в его тоне не было осуждения — только удивление, смешанное с недоверием.

Ева почти не дышала, наблюдая за игрой мышц на его теле, за тем, как напрягаются плечи, как сужаются глаза.

Встав напротив неё, он долго всматривался в её глаза — сначала игриво, будто пытаясь свести всё к шутке, затем взгляд снова стал суровым, тяжёлым.

— Ты не по тому адресу обратилась, я не занимаюсь благотворительностью, — холодно произнёс он. — Почему бы тебе не попросить об этом своего парня, раз уж вы женитесь?

— Я не могу, — тихо прошептала девушка, сжимая кулаки. Затем опустила глаза и уточнила: — Не могу делать это с ним.

Он стоял так близко, что она ощущала горячий аромат, исходивший от его обнажённого торса, — смесь мыла, табака и чего-то первобытного, от чего хотелось одновременно подойти ближе и убежать, сгорая от стыда.

— Не можешь... с ним? — переспросил он, и его голос прозвучал неожиданно властно, будто он вдруг перестал быть беспечным сердцеедом и стал кем-то другим — кем-то, кто мог принимать решения и нести за них ответственность.

— Просто сделай это... и я уйду, — повторила Ева, не поднимая глаз.

Она больше ничего не сказала. Стояла, сжав кулаки, и ждала приговора.

Синель вздохнул, и этот вздох был полон усталости и раздражения.

— Ты сама не представляешь, о чём просишь, — прошептал он. — Ты мне даже не нравишься.

— Ты мне тоже, — прошептала она в ответ, и в этой простой фразе было столько боли и отчаяния, что на мгновение даже его циничная броня дала трещину.

— Ты, похоже, умом двинулась. Ты вообще в курсе, кто такой Дмитрий Кузнецов? — Синель понемногу начал злиться, и это была не ярость, а страх за неё, который он пытался спрятать за грубостью. — Как только он узнает, что мы...

— Он не узнает. Если ты не разболтаешь, — отрезала она и умоляюще всмотрелась в его голубые глаза. — О тебе говорят многое... Тебе же всё равно с кем. Сегодня буду я.

— Ты не попадаешь под эту категорию, — он прошёлся взглядом по её фигуре, будто пытаясь найти в ней хоть что-то от тех девушек, к которым привык, и не находил. Немного помолчал, затем тихо выдал, кивнув в сторону: — Уходи. Я забуду о том, что ты приходила ко мне. И постарайся не попадаться мне на глаза.

— А если не уйду? — в её голосе прозвучал вызов, которого она сама от себя не ожидала.

— Тогда ты пожалеешь о своем желании, — прошептал он и угрожающе двинулся на неё, заставляя пятиться.

Ева не знала, как это будет: больно, приятно или вообще ничего не почувствует. Она надеялась лишь на то, что всё произойдёт быстро, без лишних слов, без сожалений. Спина девушки коснулась стены. Ева напряглась всем телом, и Синель это заметил. Он встал вплотную к ней и всмотрелся в её глаза, будто пытался прочесть в них правду, которую она сама себе боялась признать.

— Ты вообще была с мужчиной? — вдруг спросил он, и вопрос прозвучал не как насмешка, а как попытка понять, насколько глубоко она зашла в эту пропасть.

Гостья опустила взгляд, чувствуя, как жар заливает щёки.

Синель чуть отошёл назад. Ему ещё не доводилось иметь дело с девственницей. Он отошёл ещё на шаг, наблюдая, как на её бледном лице проявляется румянец. Какого чёрта она вообще к нему пришла?

— Он не женится на мне, — тихо и неуверенно начала она, вжимаясь в стену, — если я... — она не смогла закончить мысль, слова застряли в горле, тяжёлые и горькие.

Синель молчал, внутренне перебарывая странное, неожиданное чувство — не желание, а скорее ответственность, которая навалилась на него тяжёлым грузом. Он не думал, что девчонка, которую старательно избегал, вдруг придёт к нему с подобной просьбой.

— Я не имею дел с девственницами, — произнёс Синель твёрдо, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

Ева подняла на него искрящиеся от слёз глаза.

— Тогда... мне придётся обратиться к кому-то ещё, — тихо выдала она, и эти слова ударили его сильнее, чем любой крик.

Кому-то ещё? У Синеля в груди неожиданно сжалось. «Да, верно, отпусти её, пусть идёт. Меньше проблем», — подумал он. А затем пришла другая мысль: «Но если не он, то кто? Кому она отдаст свою невинность?». Будет ли он жалеть о том, что просто отпустил? Позволить кому-то ещё отнять у неё этот первый важный момент в жизни? Нет, уж лучше это будет Синель. Она неопытна в таких вопросах и может пострадать, доверившись кому-то.

Но он не успел ничего сказать. Ева вдруг словно очнулась, будто сама испугалась своих слов.

— Забудь. Молчи о том, что я к тебе приходила, — сказала девушка и медленно направилась к коридору, опустив голову, будто несла на плечах весь мир.

Синель стоял и смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри что-то переворачивается. Он не знал, правильно ли молчит, правильно ли не останавливает её.

Ева не успела сделать и трёх шагов. Его пальцы сомкнулись на её запястье — не грубо, но достаточно крепко, чтобы она замерла, словно наткнулась на невидимую стену.

— Стой, — коротко бросил Синель.

Ева медленно повернула голову. В полумраке коридора его глаза казались почти тёмными, зрачки расширены, губы сжаты в тонкую линию. Он смотрел на неё так, будто злился на себя за то, что вообще остановил её.

— Ты хоть понимаешь, что будет, если я скажу «да»? — голос был хриплым, низким, почти неузнаваемым.

— Я понимаю, что будет, если ты скажешь «нет», — тихо ответила Ева. — Я пойду к кому-то другому. И мне всё равно, кто это будет.

Синель стиснул зубы. Внутри что-то полыхнуло — не злость, не желание, а что-то незнакомое, от чего хотелось схватить её за плечи и трясти, пока не выбьется вся эта упрямая решимость.

— Ты ненормальная, — прошептал он и потянул её обратно в гостиную.

Ева послушно шагнула за ним, чувствуя, как его пальцы на запястье обжигают кожу. Он провёл её мимо дивана, мимо разбросанных журналов, к окну, где лунный свет ложился на пол серебряным крестом. Остановился. Отпустил её руку. Повернулся к ней.

— Без иллюзий, — жёстко произнёс Синель. — Это ничего не значит. Ни до, ни после. Ты уходишь утром и забываешь мой адрес. Договорились?

Ева кивнула. Сердце колотилось так, что она чувствовала его удары в горле.

Синель смотрел на неё несколько долгих секунд, будто в последний раз пытался найти причину отказаться. Не нашёл. Или не захотел. Он шагнул к ней, и Ева инстинктивно вжалась спиной в стену. Он заметил это, и что-то в его взгляде дрогнуло — не жалость, нет, Синель не умел жалеть. Скорее, осторожность, к которой он не привык.

— Расслабься, — тихо сказал он, и его голос впервые за весь вечер прозвучал мягко. Пальцы коснулись её подбородка, приподнимая лицо. — Если передумаешь — скажи. Я останюсь.

Ева всмотрелась в его глаза и не узнала того Синеля, которого знала по университету: циничного, насмешливого, скользящего мимо людей, как тень. Сейчас перед ней стоял другой человек — собранный, внимательный, опасный, но иначе. Не той опасностью, что исходила от Мити, — не холодной расчётливостью, а чем-то первобытным, живым.

Он наклонился и коснулся губами уголка её рта — едва ощутимо, будто пробуя на вкус. Ева вздрогнула всем телом, и он замер.

— Дыши, — прошептал он.

Она выдохнула, и в этот выдох вложила всё: страх, решимость, отчаяние и то странное, непонятное чувство, которое не имело названия.

Синель поцеловал её. Без спешки, без напора — так, как не целовал, наверное, никого из тех, что были до неё. Его губы двигались медленно, будто он учился заново чему-то, в чём считал себя профессионалом. Рука скользнула на её затылок, пальцы зарылись в волосы, и Ева почувствовала, как всё внутри — страх, напряжение, мысль о Мите, мысль о свадьбе — начало растворяться в этом прикосновении.

Она ответила неловко, неумело, и Синель это заметил. Где-то в глубине его сознания мелькнуло: она действительно ни разу не целовалась по-настоящему. Это было не похоже ни на одну из его прошлых ночей — те были быстрыми, отрететированными, как заученный танец. Здесь же каждое движение Евы было неуверенным, дрожащим, и от этой неуверенности что-то внутри Синеля сжималось непривычным, досадным узлом.

Он отстранился, провёл большим пальцем по её нижней губе, стёр размазавшийся блеск. Посмотрел ей в глаза.

— Точно хочешь? — ещё раз спросил он, и Ева поразились: в его голосе не было насмешки. Только вопрос.

— Да, — выдохнула она.

Он взял её за руку и повёл в спальню. Комната была просторной, тёмной, с широкой кроватью у окна, где лунный свет ложился на смятые простыни. Синель закрыл дверь, и тишина стала плотнее, осязаемее, как третья фигура в комнате.

Ева стояла посреди спальни, не зная, куда деть руки. Синель подошёл, встал напротив, и его пальцы нашли пуговицу её кардигана. Расстегнул. Потом следующую. Медленно, будто давая ей время остановить его. Ева не остановила. Кардиган соскользнул с плеч и упал на пол бесшумно, как тень.

Синель замер, глядя на неё. Тонкая майка обтягивала её фигуру, и в лунном свете она казалась почти нереальной — хрупкая, бледная, с дрожащими ключицами. Он никогда не смотрел на неё вот так, по-настоящему. В универе она была фоном — тихая, незаметная, чьё имя он с трудом вспоминал. Сейчас, стоя перед ним в полумраке спальни, она была чем-то совершенно другим, и это «другое» его пугало.

— Ты дрожишь, — констатировал он.

— Знаю, — шепнула Ева, обхватив себя руками.

— Не надо, — он мягко отвёл её руки от тела, держа их за запястья. — Не прячься.

Он наклонился и коснулся губами её шеи — там, где билась жилка, где пульс был частым и неровным. Ева втянула воздух сквозь зубы, и её пальцы рефлексивно вцепились в его плечи. От этого прикосновения — её рук на его коже — по телу Синеля прошла горячая волна, и он на секунду замер, удивлённый собственным ощущением. Такое было впервые: обычно первые прикосновения были привычными, почти механическими. Здесь же он вдруг почувствовал её. Не тело, а именно её, со всем её страхом и доверием, которое она отдавала ему, как отдают последнее.

Он стянул с неё майку. Ева сжалась, но не отвела глаз.

— Ложись, — тихо сказал он.

Ева легла на кровать, и простыни были прохладными, почти ледяными, но она едва это заметила. Синель опустился рядом, навис над ней, опираясь на локти. Его волосы упали ей на лоб, и она неожиданно подняла руку и отвела прядь с его лица. Жест был настолько естественным, настолько интимным, что Синель застыл, глядя на неё сверху вниз с выражением, которого она раньше не видела.

Он поцеловал её снова — на этот раз глубже, настойчивее, но всё ещё с той непривычной осторожностью. Его ладонь скользнула по её ключице, по плечу, вниз по руке, и Ева почувствовала, как мурашки побежали по коже. Он перехватил её пальцы, переплёл со своими, сжал — и это сжатие было таким крепким, что она вдруг поняла: он держит её не как чужую. Как свою.

Синель остановился.

— Все нормально? — в его голосе прозвучала нотка, которой он сам от себя не ожидал.

— Да, — Ева кивнула. — Не останавливайся.

Он большим пальцем вытер слезу с её щеки, наклонился и поцеловал то место, где она была. Ева закрыла глаза, и мир сузился до размеров этой комнаты, до его прикосновений, до его дыхания на её коже.

Дальше всё было не так, как она ожидала. Не грубо, не быстро, не безразлично. Синель двигался медленно, будто заново учился чему-то, в чём считал себя мастером. Каждый раз, когда она вздрагивала, он замирал, ждал. И это было настолько не похоже на всё, что она слышала о нём.

Когда боль пришла — резкая, короткая, — Ева вцепилась в его плечо и сжала зубы. Синель замер, уткнувшись лбом ей в плечо, и она почувствовала, как напряжено его тело — он держал себя, как натянутую струну, боясь сделать лишнее движение.

— Ева, — впервые назвал он её по имени, и оно прозвучало по-новому, будто он пробовал его на вкус.

— Всё хорошо, — прошептала она. — Продолжай.

Он продолжил — медленно, осторожно, с такой бережностью, на которую сам себя не считал способным. И в какой-то момент, когда её дыхание изменилось, когда дрожь сменилась чем-то другим, Синель вдруг понял: ему нравится. Не процесс — он через это проходил десятки раз, до автоматизма, до скуки. Ему нравится Ева. Её реакция, её пальцы на его плечах, её сбивчивое дыхание, её взгляд, в котором страх сменялся чем-то новым, пугающим и для неё, и для него.

Эта мысль ударила его под рёбра, как кулак, и он отвернулся, пряча лицо в изгиб её шеи, чтобы она не увидела то, что мелькнуло в его глазах. Синель не умел играть в чувства. Не хотел. Не позволял. А она пришла к нему с нелепой просьбой, стояла в его спальне, дрожала, плакала — и каким-то невозможным образом пробила стену, которую он строил годами.

— Синель... — прошептала она, и он почувствовал, как её пальцы скользнули по его спине, по линии лопаток, и от этого прикосновения по всему телу прошла дрожь, уже не от сдержанности, а от чего-то, что он отказывался называть.

— Молчи, — хрипло попросил он. — Не говори ничего.

Ева затихла, но не отстранилась. Наоборот — прижалась ближе, обняла его, и это объятие было таким беззащитным, таким безоглядно честным, что Синель на мгновение перестал дышать.

Потом всё закончилось.

Синель лёг на спину, закинул руку за голову, уставился в потолок. Рядом Ева свернулась на бок, натянув одеяло до подбородка, и молчала. Тишина между ними была другой — не тяжёлой, не неловкой, а чем-то средним, наполненным и пустым одновременно.

— Больно было? — спросил он, не глядя на неё.

— Немного, — честно ответила Ева. — Но не так страшно, как я думала.

Синель повернул голову и посмотрел на неё. На её лице — расслабленность, усталость и что-то ещё, от чего у него заскребло в груди. Он протянул руку и убрал прядь волос с её щеки — машинально, не подумав. Только когда его пальцы коснулись её кожи, он осознал, что делает, и замер.

— Спасибо, — тихо сказала Ева, и это слово прозвучало так, будто она благодарила не за близость.

Синель сжал челюсть. Благодарность — это было хуже всего. Он мог бы принять её желание, выполнить просьбу, забыть. Но благодарность делала его соучастником, привязывала к ней невидимой нитью, которую он не просил и не хотел.

— Не благодари, — глухо ответил он. — Это ничего не значит.

— Конечно, — прошептала Ева и закрыла глаза.

Синель смотрел, как она засыпает — быстро, будто провалилась в темноту, словно тело наконец сдалось под тяжестью бессонных ночей и эмоций. Её ресницы подрагивали, губы были чуть приоткрыты, и в этот момент она выглядела настолько беззащитной, что у него сжалось горло.

Он встал, подошёл к окну, закурил. Дым уходил в ночь, растворяясь в тёмном небе. Синель смотрел на город, на огни, на мир, который продолжал жить, ничего не зная о том, что произошло в этой комнате.

«Это ничего не значит», — повторил он мысленно, и слова прозвучали пусто, как монета, брошенная в колодезь.

Где-то внизу захлопнулась дверь подъезда. Проехала машина. Город дышал, жил, не обращая внимания на двоих людей, которые только что сделали что-то, что перевернет их жизни с ног на голову.

Синель затушил сигарету, вернулся в спальню. Ева спала. Он постоял над ней, глядя на её спокойное лицо, и вдруг сделал то, чего не делал никогда, ни с кем: наклонился, натянул на неё повыше одеяло и тихо, едва касаясь, поцеловал её в макушку.

Потом лёг рядом, на самый край кровати, не прикасаясь к ней, но и не уходя.

И впервые за долгое время Синель не мог нормально уснуть.

Ева ушла рано утром, пока город ещё только просыпался, а небо было серым и тяжёлым, будто не решалось стать по-настоящему светлым. Синель спал — лежал на боку, отвернувшись к окну, и в этой позе было что-то непривычно уязвимое. Она постояла у кровати несколько секунд, прислушиваясь к его ровному дыханию, потом бесшумно натянула вчерашнюю одежду и выскользнула за дверь. В подъезде пахло сыростью и кофе из чьей-то кухни, и этот запах вернул её в реальность — резко, без предупреждений.

В местном молодёжном клубе было почти пусто: только бариста протирал стойку, да пара студентов клевала носом над ноутбуками. Ева заказала чёрный кофе без сахара и села у окна, где стекло ещё хранило ночной холод. Руки слегка дрожали, и она прятала их под столом, сжимая в кулаки, пока дрожь не утихала.

Лидка пришла через двадцать минут — в яркой куртке, с пакетом пончиков и привычной широкой улыбкой, которая тут же сползла, стоило ей взглянуть на Еву.

— Ты чего такая... серая? — Лидка села напротив, наклонилась, всматриваясь в её лицо. — Ты вообще спала?

Ева пожалала плечами, сделала глоток кофе — он обжёг язык, и эта боль показалась ей почти спасительной.

— Не особо, — уклончиво ответила она.

— Опять из-за свадьбы? — Лидка закатила глаза, но в этом жесте не было насмешки, скорее усталость от бесконечных разговоров об одном и том же. — Ев, ну ты пойми, это не конец света. Да, Митя... ну, он жёсткий, но зато у тебя будет всё. Вилла, деньги, статус. Ты просто накрутила себя.

Ева смотрела на подругу и чувствовала, как слова комом встают в горле. Ей хотелось вытолкнуть их наружу, сбросить этот груз, но вместе с ним она боялась сбросить и себя — ту, какой была до прошлой ночи.

— Я сделала глупость, — наконец прошептала она, глядя не на Лидку, а куда-то в сторону, на отражение своего бледного лица в тёмном стекле.

Лидка замерла с пончиком на полпути ко рту.

— Какую ещё глупость? — настороженно спросила она. — Ты с Митей поссорилась? Или... ты отменила свадьбу?

— Нет, — Ева покачала головой. — Не это. Я... я переступила черту.

Лидка нахмурилась, отставила пончик и подалась вперёд.

— О чём ты? — голос стал тише, почти шёпотом. — Ты что, с кем-то... была?

Ева не ответила. Просто опустила глаза и кивнула, едва заметно.

Лидка откинулась на спинку стула, будто её толкнули. Секунду она молчала, переваривая услышанное, потом резко подалась обратно, схватила Еву за руку.

— Ев, скажи, что это шутка! — почти прошипела она. — Ты же понимаешь, что если Митя узнает... Он же не простит. Он вообще ничего не прощает. Ты хоть понимаешь, во что ты вляпалась?

— Понимаю, — тихо сказала Ева. — Поэтому и не хотела говорить. Но мне нужно было кому-то сказать.

— А кто он? — Лидка сжала её руку чуть сильнее, будто пыталась удержать подругу от падения. — Кто этот парень?

Ева покачала головой.

— Не скажу, — твёрдо произнесла она, впервые за утро почувствовав хоть какую-то опору. — Прости. Просто не могу.

— Да как ты можешь не сказать?! — Лидка почти сорвалась на крик, но тут же осеклась, заметив, как на них оборачиваются. Она понизила голос, но он стал ещё жёстче. — Ты понимаешь, что ты сейчас не просто «сделала глупость»? Ты поставила под удар всю свою семью! Тётка, отец... Ты знаешь, как Митя умеет мстить.

— Знаю, — повторила Ева, и на этот раз её голос дрогнул. — Но я не могла... не могла выйти за него, оставаясь такой. Мне казалось, что если я сделаю это с кем-то другим, его одержимость исчезнет. Что он поймёт, что я не та, кого он хочет. И отменит свадьбу.

Лидка смотрела на неё, и в её взгляде смешивались шок, раздражение и что-то похожее на жалость. Она медленно выпустила руку Евы, откинулась назад и провела ладонью по лицу, будто пыталась стереть с себя эту реальность.

— Ты думала, что это как-то всё исправит? — горько усмехнулась она. — Что он просто пожмёт плечами и скажет: «Ну ладно, ты не девственница, тогда я тебя не беру»? Да он из-за этого только сильнее захочет тебя контролировать. Ты не знаешь Митю.

Ева молчала. Слова Лидки били точно в цель, и от этого становилось только хуже.

— Прости, — снова прошептала она. — Я не хотела втягивать тебя в это. Просто... мне было нужно услышать хоть чей-то голос. Даже если ты будешь меня ругать.

Лидка вздохнула, долго, тяжело, и в этом вздохе было столько усталости, что Еве стало стыдно. Потом подруга потянулась через стол и накрыла её дрожащую руку своей.

— Ладно, — тихо сказала она. — Не извиняйся. Я злюсь, потому что боюсь за тебя. Ты моя подруга, и мне плевать, что ты там натворила. Но теперь нам надо думать, как сделать так, чтобы никто не узнал.

— Никто не узнает, — уверенно, почти отчаянно произнесла Ева. — Тот парень... он не станет болтать. А я... я буду молчать.

Лидка кивнула, но в её глазах всё ещё читалось сомнение.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда давай сделаем вид, что ничего не было. Никаких признаний, никаких драм. Сегодня мы просто сидим, едим пончики и говорим про всякую ерунду. Про моду, про кино, про то, какой у Мити скучный дядя. Договорились?

Ева слабо улыбнулась — впервые за долгое время улыбка получилась не натянутой, а почти настоящей.

— Договорились, — прошептала она.

Они заказали ещё кофе, Лидка достала телефон и начала показывать Еве какие-то смешные видео, громко смеялась, нарочно стараясь заполнить тишину. Ева кивала, иногда улыбалась, но мысли её всё равно возвращались к квартире на двенадцатом этаже, к лунному свету на простынях, к тому, как Синель натянул на неё одеяло и поцеловал в макушку, будто хотел защитить от всего мира.

И от самой себя.

Лидка слушала, как Ева шепчет про свою «глупость», и внутри у неё всё сжималось — но не от ужаса за подругу, а от ледяного, острого предвкушения. Она держала Еву за руку, хмурилась, бросала нужные слова про опасность и про то, как Митя не прощает ошибок, но где-то в глубине души в этот момент расцветала тихая, почти хищная радость.

«Так вот оно как... — крутилось у неё в голове, пока она делала вид, что в ужасе. — Значит, ты уже не та безупречная невеста, которую он себе выбрал. Ты уже не чистый лист, не

драгоценность, которую он хотел держать в витрине. Ты теперь... уязвимая. И эта уязвимость тебя сломает».

Когда Ева призналась, что не скажет, с кем это было, Лидка едва сдержала улыбку. Ей не нужно было имя. Не сейчас. Главное — факт. Главное, что теперь у Мити есть повод сомневаться, повод злиться, повод держать Еву на коротком поводке. А повод держать на коротком поводке — это всегда шанс для того, кто умеет ждать.

Лидка смотрела на Еву — на её опущенные глаза, на пальцы, нервно сжимающие чашку, на эту жалкую попытку держаться спокойно, — и чувствовала, как в груди разрастается странное, сладкое тепло. Это не было злорадством в чистом виде, не той грубой радостью, которая кричит и хлопает в ладоши. Это было предвкушение, холодное и расчётливое, как у охотника, который видит, как добыча сама заходит в ловушку.

«Ты думаешь, что сделала шаг, чтобы спастись, — шептали её мысли, пока она кивала и говорила правильные, успокаивающие фразы. — А на самом деле ты просто дала мне ключ. Ты сама открыла дверь, через которую я войду туда, где ты сейчас стоишь».

План созрел в её голове быстро, словно всегда там и жил, только ждал подходящего момента, чтобы обрести форму. Лидка не собиралась действовать сейчас. Сейчас нужно было быть хорошей подругой: слушать, кивать, прикрывать, делать вид, что она на стороне Евы. Пусть Ева думает, что может ей доверять. Пусть верит, что Лидка просто боится за неё.

А потом... потом придёт время. Когда Митя начнёт сомневаться, когда его одержимость даст трещину, когда он увидит в Еве не идеал, а проблему — вот тогда Лидка будет рядом. Спокойная, надёжная, понимающая. Та, которая не совершала глупостей. Та, которая всегда знала, как себя вести. Та, которая умеет быть нужной.

Она заберёт у неё статус жены Кузнецова не криком и не скандалом, не открытой войной. Она заберёт его тихо, по миллиметру, день за днём, становясь всё важнее, всё ближе, пока однажды Митя не посмотрит на неё и не увидит не просто подругу жены, а женщину, которая достойна стоять рядом с ним.

«Пусть пока держится за свою тайну, — думала Лидка, доставая телефон и включая глупые видео, чтобы заполнить тишину. — Пусть думает, что всё под контролем. А я буду ждать. Я умею ждать».

И когда она накрыла дрожащую руку Евы своей, в этом жесте не было ни капли искреннего утешения — только холодная, выверенная игра. Лидка улыбалась, смеялась над видео, болтала про ерунду, а внутри у неё всё пело от ощущения приближающейся победы.

«Вилла в Италии будет моей, — шептал внутренний голос, и в этом шёпоте не было ни вины, ни сожаления. — Всё будет моим».

Каролина пришла наведать своего брата ближе к вечеру, как делала это раз в неделю — привычка, выработанная ещё с тех времён, когда Синель только съехал от семьи и мать просила её «проверять, жив ли он, не голодает ли, не утонул ли в грязи». Каролина плевать хотела на грязь — Синель жил в квартире, которая стоила дороже, чем их родительский дом, — но привычка осталась. Она позвонила дважды, никто не открыл. Тогда она достала запасной ключ из кармана куртки — Синель не знал, что она сделала дубликат, и Каролине это нравилось: маленькая тайна, маленькая власть.

В квартире пахло табаком, мужским парфюмом и чем-то ещё — чем-то чужим, неуловимым, что она не сразу распознала. Не духами, нет. Чем-то более тонким. Чем-то женским. — Синель? — позвала она, закрывая за собой дверь.

Из кухни донёсся звук льющейся воды и лязг посуды. Брат был там. Каролина сбросила ботинки, прошла по коридору и вдруг остановилась у ванной. Дверь была приоткрыта, и взгляд машинально скользнул внутрь — по привычке, без цели, просто потому что дверь открыта.

В корзине для грязного белья, которая обычно была пустой — Синель не отличался аккуратностью, но прачечную посещал регулярно, — лежала скомканная простыня. Белая. С большим, тёмным, уже подсохшим пятном крови прямо посередине. Бурые разводы расползлись по ткани, как карта незнакомой территории, и Каролина застыла, уставившись на это пятно, будто оно было не кровью, а надписью на стене, которая говорила больше, чем любые слова.

Она протянула руку, коснулась ткани кончиками пальцев. Пальцы ощутили шероховатость, и Каролина резко отдернула руку, будто обожглась.

Сердце ударило один раз — тяжело, гулко, как удар колокола в пустой церкви. А потом воспоминание нахлынуло, как холодная вода: клуб, полумрак, её собственные слова, брошенные через плечо: «Если ты думаешь, что твоя жизнь станет беззаботной и лёгкой после того, как выйдешь за Кузнецова, то ты сильно ошибаешься. Там нет ничего светлого. И не будет». А потом обрывок чужого разговора, который она случайно услышала в коридоре универа: «Ева искала адрес Синеля, спрашивала у кого-то из парней с потока...».

Тогда Каролина не придавала этому значения. Подумала — может, по учебе, может, по какому-то делу. Мало ли зачем. Но сейчас, стоя перед корзиной с грязным бельём и глядя на кровь на простыне, все кусочки вдруг сложились в единую картину, и эта картина была настолько очевидной, что у Каролины перехватило дыхание.

Она схватила простыню, вытащила её из корзины — ткань тяжёлая, неудобная, пахнущая чем-то, что она не хотела называть, — и пошла на кухню.

Синель стоял у плиты, спиной к ней, в тех же пижамных штанах, в которых, видимо, спал. Мышцы на спине были напряжены, и Каролина знала — он слышал её шаги, знал, что она здесь. Может, даже слышал, как она открыла дверь ванной. Брат не был дураком.

— Что это? — Каролина бросила простыню на кухонный стол, прямо на его стакан с чаем, так что бурая ткань накрыла всё: стакан, тарелку с недоеденным бутербродом, телефон. Её голос прозвучал ровно, но внутри всё дрожало от нарастающего гнева.

Синель медленно повернулся. Его взгляд скользнул по простыне, по пятну, по лицу сестры. Лицо не изменилось — ни удивления, ни страха, ни стыда. Только желваки на челюсти дрогнули, и Каролина знала брата достаточно хорошо, чтобы понять: это признак.

— Что это? — повторила она, уже тише, но от этого ещё опаснее.

Синель молчал. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то новое, чего Каролина раньше не видела: не вина, нет, Синель не умел чувствовать вину. Скорее, замкнутость, как у человека, который закрыл дверь изнутри и не собирается её открывать.

— Кто был у тебя этой ночью? — спросила она, и каждое слово падало, как камень в стоячую воду.

Брат по-прежнему молчал. Он отвернулся к плите, выключил конфорку, переставил чайник. Движения были ровными, почти механическими, но Каролина видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающие ручку чайника.

— Синель, — её голос стал жёстче. — Я спрашиваю.

— Ты сама знаешь ответ на свой вопрос, — наконец бросил он, не оборачиваясь. — Зачем спрашивать, если знаешь?

Каролина стиснула зубы. Внутри полыхнуло — не злостью на брата, а ледяным ужасом за то, что это означало. Она подошла ближе, встала рядом, заглянула ему в лицо.

— Это ведь Ева, так? — назвала она имя, и оно повисло в воздухе между ними, как приговор.

Синель наконец посмотрел на неё. В его голубых глазах не было ни раскаяния, ни вызова. Только усталость, какая бывает у человека, который сделал что-то вопреки себе и до сих пор не понимает, правильно ли.

— Да, — коротко ответил он.

Каролина втянула воздух сквозь зубы и отошла к столу, опираясь рукой о столешницу. Простыня лежала перед ней, бурая, неуклюжая, как улика преступления, и Каролина смотрела на пятно, пытаясь собрать мысли, которые разлетались, как осколки.

— Ты понимаешь, что ты наделал? — прошептала она. — Ты спал с невестой Дмитрия Кузнецова. С девственницей, которую он собирался... — она не закончила, провела рукой по лицу. — Синель, он тебя убьёт. Не в переносном смысле. Он буквально тебя уничтожит, если узнает.

— Не узнает, — глухо ответил Синель.

— Не узнает?! — Каролина резко повернулась. — Ты спал с женщиной, которая выходит замуж за человека, который раздавит тебя, не заметив! И ты говоришь «не узнает»?! Ты вообще думаешь головой?

— Она попросила, — тихо сказал Синель, и в этом «попросила» было столько, что Каролина на мгновение потеряла дар речи.

— Она попросила? — переспросила Каролина, и голос её упал до шёпота. — Она пришла к тебе и попросила... лишить её невинности? Чтобы не выходить за Митю девственницей?

Синель не ответил. Ответ был не нужен. Каролина медленно опустилась на стул, глядя на брата, и вдруг увидела в нём что-то, чего раньше не замечала. За маской циничного бабника, за привычной насмешкой и бронёй из равнодушия — что-то дрогнуло. Что-то, что он сам не хотел признавать.

— Она не в твоём вкусе, — вдруг сказала Каролина, и это прозвучало не как вопрос, а как констатация.

Синель сжал челюсть.

— Нет.

— Но ты согласился.

— Да.

— Почему?

Молчание. Синель отвернулся к окну, где вчерашний окурок всё ещё лежал на подоконнике. Каролина видела, как он сглотнул, как напряглась шея, и поняла: брат не знает ответа. Или знает, но боится его произнести вслух.

— Синель, — Каролина встала, подошла к нему, остановилась рядом. — Посмотри на меня.

Он повернул голову. И Каролина увидела в его глазах то, что заставило её похолодеть: не страх, не раскаяние, а что-то новое, незнакомое, что она не встречала у своего брата никогда, ни с одной из тех, кто проходил через его квартиру и его постель. Она увидела привязанность. Зарождающуюся, неосознанную, злущую на самого себя, но уже живую.

— Только не говори мне, что ты... — прошептала Каролина, отступая.

— Не говорю, — резко оборвал он.

— Тогда зачем ты смотришь так, будто потерял что-то?

Синель промолчал, и это молчание было громче любого крика. Каролина закрыла глаза, глубоко вдохнула, пытаясь унять нарастающую панику.

— Ты не просто переспал с ней, — тихо произнесла она, и каждое слово давалось с трудом. — Ты пропустил её внутрь. И теперь...

— Теперь ничего, — жёстко оборвал Синель. — Она ушла. Утром. Пока я спал. Она не хочет знать меня, и я не хочу знать её. Это был... разовый эпизод. Больше ничего.

Каролина смотрела на него и молча качала головой, потому что видела: он врёт. Не ей. Себе. А это было хуже всего.

— Ты понимаешь, что теперь Ева в опасности? — наконец сказала она. — Потому что если ты к ней что-то почувствуешь, а она выйдет за Кузнецова, то рано или поздно ты сделаешь глупость. А глупость в мире Кузнецовых — это смертный приговор. Причём не только для тебя.

Синель стоял у окна, и его силуэт в вечернем свете казался Каролине таким же, как в детстве: упрямый, непреклонный, сжимающий кулаки так, что белели костяшки. Только теперь за этим упрямством пряталось что-то большее, и Каролина знала — её брат никогда не признается в этом. Ни ей, ни себе.

— Уходи, — тихо сказал Синель, не оборачиваясь. — И заberi это, — кивнул он в сторону простыни на столе.

— Куда забрать?

— Куда угодно. Сожги. Выброси. Мне плевать. Чтобы этого не было.

Каролина посмотрела на простыню, на бурое пятно, на брата, стоящего у окна, и вдр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.